

бую скромность, нежность, устремленность к «единожитию людей». Оба ученых часто выходят за пределы медиевистики — средневековой истории. Они свободно движутся по эпохам и странам, чтобы показать феномен русской культуры в его всестороннем, всемирном значении. Чтобы читатель понял, какую глубокую историческую и национальную почву имеет утверждение Достоевского о красоте, которая спасет мир.

«Русским Рафаэлем» называет автора «Троицы» Алпатов. Рафаэлем? — удивится впервые это слышащий. Он вспомнит кареглазого красавца сикстинской фрески: бархатный берет, гордость и свободу движений: вспомнит, что Рафаэль любил остроумных женщин, дружил с поэтами, был терпелив с сановными заказчиками. Читатель наш хорошо подкован, он знаком с биографией Рафаэля — тот молодеж Рублева почти на столетие с четвертью, эпоха титанов, «Жизнеописание» Вазари. А Рублев только начинает широко открываться в последние десятилетия, и наука может поведать о нем немного. Видал ли Рублев войско Дмитрия Донского, оставившееся при возвращении с Куликова поля возле Андроникова монастыря? Встречал ли художник этого славного полководца? Или мастера Андрея разыскал сын Донского, князь Василий? Бывал ли Рублев в Новгороде? Покидал ли Русь — к примеру, совершил ли он палом-

ничество в Константинополь, в Грецию? А если нигде далеко не бывал, так откуда же — употребим формулу Маркса—Энгельса — «отблеск древнего эллинизма среди глубочайшего средневековья»? Кое-кто думает, что Рублев учился у Феофана Грека. Предположим. У старших товарищей иногда учатся усердно. Да ведь характеры, мазок, интонация Феофана совсем, совсем иные. Хотя он по рождению и грек, но скорее варвар, чем эллин. Безудержный, страстный живописец, кипящие лавы форм и образов... Восхищаюсь Феофаном, Рублеву поклоняюсь.

Иногда думается, что писал «русский Рафаэль» волшебным соловьиным крылышком — так певучи его цвет и линия. В жестокий век, когда жизнь человеческая почти ничего не стоила, явилась великая душа, утверждавшая, что ласточка и колос обладают силой вечности, оставившая это свое знание художественной истиной...

Рекомендую вам один ленинградский маршрут. Зайдите в Эрмитаж, постойте возле мадонны в синем плаще. Ее написал девятнадцатилетний Рафаэль, урбинский подмастерье, круглый сирота, тосковавший о матери своей Маджии... Больше в этот раз ничего не смотрите в Эрмитаже и вдоль Мойки, мимо квартиры Пушкина, отправляйтесь в Русский музей, к «Богоматери Владимирской» Рублева. Вспомните мудрый совет о созерцании: взгляните в юное

печальное существо, которое так нежно обнимает за шею рука младенца. Мафорий (плащ) рублевской мадонны красно-коричневый с золотым подбоем, и золотое платье малыша едва касается правой руки матери... Придя от Рафаэля к Рублеву — словно опустившись в некий «археологический раскоп» ниже на столетие! — вы поймете, что только эти два гения мировой живописи сравнимы по своему поэтическому величию, по озарениям добра и кротости. Будьте внимательны, созерцая их творения. Задача зрителя не проста: мы ведь ловим ту носимую ветром пушинку одуванчика, которая плывет между полем и небесами.

Возвращайтесь на Мойку. Склонитесь над ее густо-зеленым стеклом, побудьте со своим впечатлением о матерях, которых вы в этот день увидели. Я знаю, вы ощущаете запах ребьчьей головы, воспроизводите в памяти силуэты, гибкие, как струйка воды...

Красота спасет мир, она не однажды его спасала, ведь красота — это добро. Тот, кто ее видит, становится выше ростом, выше душою. Он делается здоровее и щедрей, он словно впервые понимает силу своего чувства к матери и другу, к делу своему, к человечеству, к своей Родине. Вот почему вспоминаем мы гения, о жизни которого знаем всего одну абсолютную дату. Так есть, так будет — и ныне, и присно, и во веки веков.